

Александр ГАФ
Книга серии: новое мышление

Иллюстрации
Екатерина
Морозенко

Синописис

Каждый из нас хочет быть значимым, тем, к чьим словам прислушиваются, мнением интересуются...

Однажды юный, глупый шут
Был, словно шарик, весь надут.
Он возмутился, что его
Всерьез не слушает никто.

От злости был он сам не свой
И своей глупой головой
Старался он изобрести,
Как счеты с публикой свести.

И вот настал счастливый день —
Король устал — подняться лень.
А шут сказал, как бы шутя:
«Позволь тобой побуду я».

Я гримом изменю лицо —
Не догадается никто,
Что это я, всего лишь я.
Король, смеясь: «Сыграй меня».

И шут, мгновеньем дорожа,
Оделся в платье короля,
Надел корону, сел на трон,
Представ пред всеми королем.

И вот придворные ему
Поклоны шлют, как королю,
И все красавицы страны
Как солнцем им ослеплены.

И все бы было хорошо,
Но не учел хитрец одно:
Что царь не мумией сидит —
Он еще ходит, говорит.

И даже глупому шуту
Вдруг стало ясно самому,
Что зря он роль такую взял —
Он для нее безмерно мал.

И мал не телом, а умом,
Он не готов быть королем.
Он школу часто пропускал,
Он ничего почти не знал.

Одевшись в платье короля,
Он одурачил сам себя.

Его ужасно осмеют,
Поняв, что он всего лишь шут.

Поднявшись с места, выйдя вон,
В смущенье он покинул трон.
Он избежал большой провал
И тихо сам себе сказал:

Ты можешь внешне быть похож,
Но быстро выявится ложь.
Твои же первые слова
Мгновенно выдадут тебя.

Эта сказочная история объясняет, почему некоторые дети употребляют в своей речи бранные, некультурные слова. И самое важное — указывает ребенку на всю неприглядность, глупость и ущербность такого поведения.

Книга 8

Мышонок Вокс и плохие слова.

— Редиска! — с злорадством, чеканя каждую букву, зло проговорил лис Арнольд.

Бобренок Буль, съезжившись от страха и непонимания того, чем он заслужил такое обзывательство, замер на месте.

Ничего больше не говоря, лис, отвернувшись от бобренка, расплылся в довольной улыбке и быстро зашагал прочь.

Ошарашенный Буль, глядя ему вслед, корил себя за свою невнимательность. Ведь он мог избежать этой неприятной встречи. Ему всего-то было и нужно — чуть раньше заметить Арнольда и спрятаться за деревом или кустом.

Мало кому понравится, если такие вообще существуют, когда их обзывают. А если эти колкости еще и не заслужены, не говоря о том, что обзываться попросту плохо, они очень портят настроение. Поэтому, понемногу приходя в себя, бобренок продолжил свой путь в школу заметно погрузневшим. Он до того ушел в свои ставшие безрадостными мысли, что даже не услышал обращенных к нему приветственных криков зайки Мари, быстро приближающейся по соседней тропинке.

— Буль, Буль! — кричала Маря во все горло.

— Ты что, заснул? — подскочив к бобренку в упор и дотронувшись до его плеча с дружелюбной улыбкой, выпалила она.

— Я, я задумался, — оправдываясь, пробормотал Буль.

— Нет, не задумался, — пристально изучая взглядом бобренка, с видом опытного следопыта твердо проговорила зайка. — Ты чем-то сильно расстроен!

— Да нет же, нет, я просто...

— Стоп, стоп, стоп... — не давая Булю развить тему оправданий, резко, но в дружеском тоне, прервала его Маря. — Не говори ни слова! Я постарше тебя, и думаю, ты со мною согласишься, как только услышишь, почему я так решила.

Буль не мог возразить, так как предусмотрительная зайка одновременно с произносимыми ею словами ловко прикрыла ему рот своей мягкой лапкой.

— Вот представь! Бегу я в школу, как обычно. И тут вижу — идет бобренок, зрение у меня отличное — сам знаешь. Первая моя мысль — это «ты» спешишь на уроки, как и я. Присматриваюсь... еще присматриваюсь — нет, это не ты. Ты ростом повыше, и походка у тебя твердая, решительная. А у этого бобренка, которого я вижу, все другое — спинка сутулая, голова повисшая, походка неуверенная.

Наверное, новенький к нам топает, думаю. Боится идти, еще не знает, как в школе хорошо — друзья, интересные занятия... Вот и плетется еле-еле.

Когда же, приблизившись, я все же поняла, что это ты?! — сам понимаешь, была крайне удивлена. А когда ты меня еще и не услышал, зная, что у тебя, как и у всех бобров, хороший слух, я сразу сообразила — тебя кто-то сильно обидел!

Отпираться было бессмысленно. Булю было хорошо известно, причем еще до этого убедительного монолога, что Маря права. Но уж так мы устроены — всегда защищаем свои, даже ошибочные высказывания.

Набравшись решимости, бобренок сознался:

— Арнольд меня обидел — обозвал, просто так, ни за что...

И как будто в подтверждение известного школьникам закона равновесия, в то самое время, когда настроение бобренка Буля было так плохо, настроение лиса было великолепно, и более того — оно все улучшалось и улучшалось.

Обозвав Буля, Арнольд и не думал идти прочь от школы — он лишь сделал вид, что уходит. Добравшись до ближайшего поворота, лис, сменив тропинку, повернул обратно.

— Как же бывает полезно пообщаться с взрослыми, — награждая очередного, попавшегося ему по пути малыша колким словом «Редиска», думал лис. — Если бы не папин знакомый с работы, я бы тоже сейчас был... как вся эта мелочь... Но теперь дело другое... И почему папа никогда не зовет своего коллегу в гости? Он такой веселый и умный, у него явно есть чему поучиться.

Отец же как-то холодно с ним общался, как будто бы ждал, когда тот уйдет, поддерживая разговор лишь из вежливости.

Хорошо хоть я внимательный, — улыбнувшись, подумал Арнольд, — и запомнил, как нужно подкреплять свою значимость, обрывать чужую болтовню, да вообще — быть взрослым! Всего-то и нужно, что вставлять, чем чаще — тем лучше, взрослые, запрещенные для мелкоты слова — такие, как «редиска».

Подумать только — одна встреча с умным человеком научила меня большему, чем год школьных мытарств. Странно только, почему отец никогда так не делает. Может, он не хочет быть деловым и важным или не понимает, как это здорово и круто.

Используя свое «волшебное» слово, лис воочию, раз за разом, убеждался в его действенности. Он практически ощущал свое превосходство, свою взрослость.

Единственным местом, где ему пришлось притормозить после двух замечаний, была школа. Третье замечание грозило походом к директору, которого, впрочем, лис не боялся, но вот неизбежно следовавшие за этим разговоры с отцом его действительно беспокоили. Поэтому самым разумным для Арнольда решением было на время затаиться, не напрашиваться на лишние неприятности....